

Трезвенническое движеніе въ Москвѣ. 1)

Предметомъ обсужденія настоящаго собранія является то трезвенническое движеніе, которое и въ бытовсмъ и въ историческомъ отношеніи несомнѣнно заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія, ибо здѣсь на самобытной русской почвѣ мы встрѣчаемся съ чрезвычайно интересными проявленіями нравственныхъ народныхъ исканій, особенно характерными для современныхъ условій жизни большихъ городовъ.

Съ своей стороны, въ дополненіе къ докладу И. М. Громогласова, я хотѣлъ бы сказать нѣсколько словъ относительно московскаго трезвенническаго движенія. Конечно, въ настоящемъ собраніи нѣтъ никакой возможности охватить это трезвенническое движеніе съ достаточной научной полнотой. Это движеніе—большое и сложное, охватывшее широкіе круги городского населенія; оно включаетъ въ себя массу интереснаго матеріала, яркаго, живого и красочнаго. Но, къ сожалѣнію, мы не имѣемъ возможности коснуться здѣсь всей совокупности этого богатаго матеріала, ибо мы крайне ограничены во времени, и къ тому же значительная часть этого матеріала и не подлежитъ оглашенію. Въ виду этого я, строго оставаясь въ рамкахъ предмета настоящаго собранія, попытаюсь дать лишь краткую общую характеристику московскаго трезвенническаго движенія и при этомъ буду обосновывать эту характеристику лишь тѣми данными, которыя уже являются общими достояніемъ, которыя имѣются въ литературѣ о трезвенникахъ или извѣстны намъ изъ непосредственныхъ наблюденій, такъ какъ дѣятельность трезвенниковъ открыто протекала у всѣхъ на глазахъ.

Въ основномъ взглядѣ на трезвенническое движеніе я съ своей стороны совершенно согласенъ съ докладчикомъ И. М. Громогласовымъ. Несомнѣнно, центромъ тяжести трезвенническаго движенія является борьба съ величайшимъ бѣдствіемъ русскаго народа, именно *борьба съ*

1) Речь, произнесенная на публичномъ собраніи въ Александровской залѣ Петербургской городской думы 14 мая 1913 года.

тѣлствомъ. Но этимъ трезвенническое движение не ограничивается. Въ основѣ этого движенія лежатъ пробуждающіяся въ людяхъ потребности избавленія не только отъ пьянства, но и отъ другихъ пороковъ, губящихъ человѣческую жизнь, потребность устроенія чистой и благообразной жизни, потребность нравственно обновленія въ широкомъ смыслѣ этого слова. Въ этомъ отношеніи трезвенническая дѣятельность московскихъ братьевъ Колоскова и Григорьева представляетъ собою проповѣдь нравственнаго обновленія, имѣющую свои глубокіе корни въ особые условія русской православной жизни.

Съ этой точки зрѣнія трезвенническое движеніе представляетъ собою не религіозное, а бытовое явленіе,—явленіе, относящееся къ категоріи нравственныхъ народныхъ исканій, причемъ и психологически основы и бытовья особенности этого явленія глубоко национально-православны.

Въ дополненіе къ докладу И. М. Громыгласова мнѣ хотѣлось бы нѣсколько углубить объясненіе этого явленія; мнѣ хотѣлось бы подчеркнуть, что въ лицѣ московскихъ братьевъ-трезвенниковъ мы видимъ тотъ типъ дѣятельнаго православнаго человека, который съ древнихъ временъ никогда не переводился на Руси, который представляетъ собою исконное русское явленіе.

На Руси всегда были люди, которые хотя и не принадлежали къ монашеству или духовенству, но брали на себя задачу въ своей жизненной дѣятельности осуществлять заветы христіанской нравственности. Всегда, съ самыхъ древнихъ временъ, были на Руси и странники, и богомолы, и черпички, и прозорливицы, и блаженные, которые и въ городахъ, и въ селахъ, и въ деревняхъ, и на погостахъ брали на себя задачу послужить ближнему, посоветовать ему, помочь ему словомъ утѣшенія, наставленія или утѣшенія.

Правда, и къ такому дѣлу нерѣдко примѣшивалась разныя пустосвятія, лицемерія и разудалюбья. Этого отрицать нельзя. Но, несомнѣнно, въ основѣ этого исконнаго русскаго явленія лежитъ свойственная нѣкоторымъ слоямъ русскаго населенія искренняя готовность служенія ближнимъ на почвѣ заветовъ христіанской нравственности.

И именно эта готовность служенія ближнимъ, и притомъ тѣмъ самымъ ближнимъ, среди которыхъ эти добровольные служители заветамъ христіанской нравственности находятся,—она сообщаетъ всему этому исконному русскому явленію характеръ во многихъ отношеніяхъ весьма цѣнный и во многихъ отношеніяхъ весьма симпатичный.

Въ безчисленныхъ глухихъ и темныхъ уголкахъ нашей необъятной Россіи, гдѣ совершенно еще не развиты формы общественной помощи и куда не достигаетъ дѣятельность современныхъ благотворительныхъ учреждений, тамъ много цѣнныхъ услугъ нуждающемуся русскому люду

оказываютъ тѣ люди, которые на почвѣ служенія заветамъ христіанской нравственности во имя спасенія души берутъ на себя дѣлящіе подвигъ служенія своимъ ближнимъ, оказаніе имъ помощи. И дѣйствительно, много неопытныхъ услугъ оказываютъ они въ тѣхъ случаяхъ, когда нужно облегчить страданія близкаго словомъ утѣшенія, успокоить и ободрить отчаявагося, посидѣть у больного, взять подъ свой присмотръ безпризорныхъ дѣтей больной матери, умиротворить словомъ о грядущей жизни человѣка умирающаго.

И вотъ на почвѣ этого исконнаго русскаго явленія, на почвѣ добровольнаго служенія заветамъ христіанской нравственности создается другое, тоже старинное, русское бытовое явленіе, именно *институтъ духовнаго водительства жизнью ближняго*, глубоко коренящійся въ нѣдрахъ русской народной психологіи и имѣющій свое обоснованіе въ историческихъ судьбахъ русской народной жизни.

Когда мнѣ приходилось бесѣдовать съ московскими трезвенниками и разспрашивать ихъ о томъ, что именно привлекаетъ ихъ въ трезвенническому движенію, что побуждаетъ ихъ группироваться вокругъ московскаго брата Ивана Колоскова, я неоднократно получалъ отъ нихъ слѣдующій отвѣтъ: „Мы слабы, мы слабы волей, намъ трудно устоять, а братьевъ укрѣпляеть нашу волю“.

И дѣйствительно, вѣдь мы знаемъ, что средній рядовой русскій человѣкъ далеко не всегда отличается твердостью воли и душевной самостоятельностью. Русскій человѣкъ зачастую бываетъ слабъ и при невзгодахъ жизни часто слишкомъ скоро махаетъ на себя рукою. Но поэтому-то русскій человѣкъ и склоненъ отдавать себя духовному водителю другого, болѣе сильнаго человѣка. Для очень большой категоріи морально слабыхъ русскихъ людей нѣтъ большаго счастья, какъ отдаться въ духовное водительство другому человѣку, сложить на него моральную отвѣтственность за принятое рѣшеніе, въ минуты колебанія, тоски, отчаянія и душевнаго сомнѣнія почерпнуть въ немъ и вѣру, и душевную силу.

И это психологическое свойство русскаго человѣка находить себѣ глубоко обоснованіе въ историческихъ судьбахъ русской народной жизни.

Вѣдь всѣ пережитыя русскимъ народомъ событія, всѣ эти неурядицы и распри, которыми началась русская исторія, когда въ моментъ призванія князей порядка на Руси уже не было; всѣ эти постоянныя междоусобицы русскихъ удѣльныхъ князей, отъ которыхъ безысходно страдала масса русскаго населенія; и несчастія со стороны, эти страшныя нашествія татаръ, когда при взятіи нѣкоторыхъ русскихъ городовъ русскіе люди запирались въ церквахъ и тамъ заживо сгорали; и наконецъ, уже болѣе близкій къ намъ періодъ ирѣсновнаго права, когда въ теченіе вѣковъ все русское крестьянство было скормлено ирѣпостными

дѣлами, лишено всякой самостоятельности и подчинено воле и власти другихъ лицъ,—все эти событія, все это, вмѣстѣ взятое, и воспитало въ среднемъ русскомъ человѣкѣ и несамостоятельность, и слабость, и нерышительность; все это и создало въ немъ наклонность некакъ на сторонѣ слова утѣшенія и ободренія, искать помощи въ другомъ человѣкѣ, отъ котораго могъ бы онъ получить совѣтъ и указаніе, къ которому могъ бы онъ обратиться за разрѣшеніемъ своихъ сомнѣній и колебаній. И если онъ находитъ такого человѣка, то онъ неминуемо къ нему привязывается, и дѣлаетъ его, и вѣрять его духовному водителю. И тотъ, кто принимаетъ на себя это водительство, онъ, несомнѣнно, беретъ на себя громадную отвѣтственность, ибо при нѣкоторыхъ особахъ условіяхъ русской жизни нѣтъ подвига болѣе труднаго и болѣе отвѣтственнаго, какъ руководство чужою жизнью и чужою совѣстью.

Но такое явленіе всегда было характернымъ для русской жизни, и такіе люди всегда на Руси находились.

Такиими людьми бывали въ древней Руси старики-отшельники и монахи. Имъ бывали миряне блаженныя. Но особенно характернымъ въ этомъ отношеніи оказалась *институтъ старчества*, появившійся у насъ на Руси, повидимому, съ востока и создавшій громадную славу Оптиной пустыни въ Калужской губерніи.

Мы знаемъ, что туда, въ Оптину пустынь, тысячами шли русскіе люди, болѣвшіе душою и совѣстью. И туда шли не только убогіе и хилые, униженные и оскорбленные. Туда обращались и наиболѣе видные представители русской интеллигенціи. Тамъ были и Гоголь, удрученный своими душевными невзгодами, и братья Кирѣевскіе, искавшіе святости народной души, и Толстой, и Достоевскій, полные своихъ религіозныхъ и жизненныхъ сомнѣній.

И мы знаемъ образъ покойнаго старца Амвросія, изображеннаго Достоевскимъ въ лицѣ старца Зосима въ „Братьяхъ Карамазовыхъ“.

Здѣсь я позволю себѣ отмѣтить одно чрезвычайно характерное совпаденіе. Если мы припомнимъ нравственные поученія старца Зосима — мысленно сравнимъ ихъ съ опубликованными бесѣдами московскаго брата Колоскова, то совершенно неожиданно мы встрѣтимъ здѣсь много общихъ точекъ сопоставленія, указывающихъ не на заимствованіе одного ученія отъ другого, а на общность ихъ происхожденія, на общность тѣхъ причинъ, которыя въ русской жизни вызываютъ такія проявленія моральной проповѣди.

И самый образъ старца Зосима имѣетъ много общаго чертъ съ личностью московскаго брата Колоскова. Меньше всего догматикъ или теоретикъ, старецъ Зосима былъ по преимуществу глубокимъ психологомъ и соединявшимъ прекраснымъ знакомымъ нуждъ и особенностей

русскаго человѣка. Онъ говорилъ съ народомъ простымъ, понятнымъ языкомъ, давалъ людямъ совѣты по ихъ домашнимъ и семейнымъ дѣламъ, и въ народѣ слылъ за пророка и дѣлителя.

Но то было старчество, развившееся на почвѣ жизни провинціальной, крестьянской и помѣщичьей. То было старчество, отразившее на себѣ характерныя черты быта и уклада жизни того времени.

Времена мѣняются. Крѣпостное право исчезло. Помѣщичья экономія распалась и захудала. Быстрый ходъ экономическаго прогресса, техническія изобрѣтенія и усовершенствованія, развитіе фабрично-заводской дѣятельности,—все это сильно измѣнило укладъ русской жизни; все это вызвало необычайно быстрый ростъ большихъ городовъ, необычайно сильный притокъ сельскаго населенія въ ряды городского пролетаріата.

Измѣнились условія жизни, но исторически воспитанныя психологическія свойства русскаго человѣка такъ быстро измѣниться не могли.

Переселяясь изъ деревни въ городъ, русскій человѣкъ зачастую несетъ съ собою ту же слабость и нерышительность, ту же склонность искать забвенія въ вѣнѣ, ту же потребность искать ободренія и утѣшенія.

Въ зависимости отъ этого и старчество на Руси не перешло. Но, подчиняясь требованіямъ времени, оно изъ провинціи перекочевало въ большіе города и нашло себѣ выразителей сначала въ лицѣ нѣкоторыхъ популярныхъ пастырей, къ которымъ толпами шелъ народъ, а еще у нѣкоторыхъ духовнаго водительства, затѣмъ въ лицѣ петербургскаго брата Ивана Чурикова и, наконецъ, въ Москвѣ въ лицѣ московскихъ братьевъ-трезвенниковъ.

При такихъ условіяхъ, если бы мнѣ было позволено дать опредѣленіе трезвеннической дѣятельности московскихъ братьевъ, то я сказалъ бы, что эта дѣятельность представляетъ собой проявленіе исторически сложившагося на Руси старчества, *но старчества ХХ вѣка, образовавшагося и развившагося на почвѣ жизни низовъ городского населенія*.

Что именно съ такимъ проявленіемъ исконнаго русскаго старчества имѣемъ мы дѣло въ настоящее время, объ этомъ наглядно свидѣлствуютъ намъ и весь характеръ ученія московскаго брата Ивана Колоскова и вся его жизнь и дѣятельность.

Отъ людей, знавшихъ Ивана Колоскова еще задолго до начала его проповѣднической дѣятельности, когда онъ у себя на родинѣ, въ Тульской губерніи, занимался мирнымъ трудомъ поселенца, мнѣ приходило слышать, что уже тогда онъ обращалъ на себя вниманіе особенностями своей жизни. Его и въ деревнѣ называли монахомъ за то, что онъ выдѣлялся своими неуклоннымъ благочестіемъ, не пилъ, не курилъ,

строго соблюдать посты и все свое свободное время посвящать чтению Священного Писания. И уже вскоре послѣ своей женитьбы онъ порывался уйти въ монастырь. Но уйти въ монастырь ему, связанному семейными узамъ, не удалось, и тогда онъ, самъ почерпавшій содержание своей внутренней духовной жизни въ словѣ евангельскомъ, задумалъ и другимъ людямъ приносить посильную пользу посредствомъ распространения Священного Писанія и сдѣлался книгоношей.

Но затѣмъ судьба привела его въ Петербургъ на бесѣды брата Ивана Чурикова.

И вотъ здѣсь, на бесѣдахъ Ивана Чурикова, Иванъ Николаевичъ Колосковъ воочию увидѣлъ, какую могущественную, чудодѣйственную, перерождающую силу имѣетъ слово евангельское, донесенное на доступномъ и понятномъ языкѣ до самыхъ низовъ населенія, до самыхъ подонковъ общества, до тѣхъ несчастныхъ людей, которые казались уже окончательно погребенными и потерянными. На тысячахъ примѣровъ Иванъ Колосковъ имѣлъ возможность наблюдать, какъ подъ вліяніемъ нравственной христіанской проповѣди перерождались эти люди, какъ сбрасывали они съ себя узы пьянства и порока и какъ переходили они въ новую жизнь, жизнь чистую, благообразную и счастливую.

И тогда въ душѣ Ивана Колоскова возгорѣлось желаніе и самому послужить тому же хорошему дѣлу, послужить этому дѣлу тамъ, гдѣ нѣтъ брата Ивана Чурикова, но гдѣ существуетъ та же вопиющая духовная нужда, та же потребность душевнаго оздоровленія простымъ и доступнымъ словомъ нравственной проповѣди.

И онъ переселился въ Москву и открылъ здѣсь бесѣды въ тѣхъ же формахъ и по тѣмъ же приѣмамъ, какіе наблюдалъ онъ въ Петербургѣ у брата Ивана Чурикова.

И по существу на своихъ бесѣдахъ Иванъ Колосковъ воспроизвелъ основной духъ и направленіе ученія Ивана Чурикова.

Онъ обратился со словомъ увѣщанія къ тѣмъ слоямъ городского населенія, которые въ особенности всѣмъ заброшены. Онъ обратился къ тѣмъ подонкамъ общества, которые глущатъ свою жизнь въ угарѣ переноя, которые доводятъ себя до озвѣрѣнія, отъ которыхъ другіе чистые люди безразлично отворачиваются.

И нельзя не признать, что въ этомъ отношеніи Иванъ Колосковъ пошелъ навстрѣчу именно той самой нуждѣ, которая въ настоящее время особенно остро и больно себя проявляетъ, которая особенно сильно нуждается въ удовлетвореніи, но на которую слишкомъ мало обращается вниманія.

Вѣдь всѣ мы знаемъ, какъ живетъ у насъ въ большихъ городахъ русскій пролетаріатъ. Мы знаемъ, какъ живутъ эти десятки тысячъ вчерашнихъ крестьянъ, которые съ чистоты и широкаго простора деревен-

скихъ полей попадаютъ въ безпрощную клоаку большого города, въ эти притоны и ночлежные дома Хитрова и Смоленскаго рынковъ, гдѣ неустанно идетъ безпощадная борьба за существованіе, гдѣ постоянно слышатся стоны нужды, крики и брань озлобленія, и непристойная пѣсня отчаянія и разгуда...

Здѣсь на каждомъ шагу стерегутъ человека слобазны; и при своей ственной русскому человеку слабости трудно ему здѣсь удержаться.

Здѣсь имѣются цѣлыя кадры нищихъ, тѣхъ особыхъ городскихъ нищихъ, которыхъ Левъ Ипполитовичъ Толстой называлъ нищими безъ сумы и безъ Христова имени.

Здѣсь съ ранняго возраста воруются дѣвушки въ разрядъ притютокъ.

Здѣсь формируются тѣ кадры городскихъ преступниковъ, которые въ такомъ изобиліи заселяютъ московскіе тюрьмы и остроги.

И все это живеть и дышитъ; и проводитъ кошмарныя ночи въ грязныхъ притонахъ; и просыпается съ тѣмъ, чтобы опять поскорѣ позабиться въ вѣнъ и снова отдаться грязной чувственности.

И вѣдь это—реальный фактъ, а не продуктъ литературной фантазій. Вѣдь по даннымъ послѣдней переписи у насъ въ одной Москвѣ имѣется свыше двухсотъ тысячъ людей, которые ютятся по колючно-каморочнымъ кварталамъ и притонамъ, тамъ, гдѣ въ нравственномъ отношеніи людей гибнетъ, быть можетъ, больше, чѣмъ на поляхъ сраженія.

Но вѣдь и это люди,—люди, способные тянуться къ свѣту,—люди, у которыхъ на душѣ подъ пепломъ дурмана и угара еще тлеютъ потребности оздоровленія, тяготеюшіе къ чистой и благообразной жизни.

И несомнѣнно доброе дѣло дѣлаетъ тотъ, кто пойдетъ къ этимъ людямъ со словомъ братской любви, кто ласковымъ словомъ увѣщанія сумѣетъ поддержать оступившагося, укрѣпитъ слабого, осветитъ душу отчаившагося свѣтлымъ и теплымъ лучомъ надежды на лучшее будущее.

И вотъ именно къ такимъ людямъ пошелъ Иванъ Колосковъ со словомъ увѣщанія. И онъ сумѣлъ подойти къ этимъ людямъ; сумѣлъ внушить имъ довѣріе къ себѣ; для своей проповѣди онъ сумѣлъ найти такую простую и ясную форму, которая до самой глубины изстрадавшагося человѣческаго сердца доносила великія евангельскія истины любви и утѣшенія.

Когда я спрашивалъ московскихъ трезвенниковъ, почему такъ сильно дѣйствуетъ на нихъ проповѣдь брата Ивана Колоскова, они отвѣчали мнѣ: „Если человекъ *сильно настрадался*, онъ хватается за соломинку; если же падеть къ брату человекъ изъ любопытства, то на него слова брата не подѣйствуютъ“.

Къ Ивану Колоскову шли люди настрадавшіеся, и на нихъ его слова

производили сильное впечатлѣніе. Они говорили мнѣ: „Слово брата казъ мототъ ложится на сердце и разбиваетъ то, что въ сердцѣ наболѣло“.

И не только слова Колоскова дѣйствовали съ большою силою, но и особенности слушающей его толпы. Одни трезвенники рассказывали мнѣ, что его при первомъ посѣщеніи бесѣды Колоскова поразила необычайный видъ собравшихся слушателей: „Шубляки, какая бываетъ въ кабакахъ, а здѣсь стоять и слушаетъ слово Божіе“.

И затѣмъ примѣры самого Колоскова, у котораго слово не расходится съ дѣломъ, также оказывали на слушателей сильное впечатлѣніе.

Но мнѣ даются, что сильнѣе всего дѣйствовали на слушателей примѣры самихъ трезвенниковъ, исправившихся и начавшихъ новую жизнь. Эти примѣры наглядно показывали всякому потерянному человѣку, что не все еще потеряно, что есть выходъ изъ кававшагося безвыходнаго положенія, что вотъ есть же люди, которые тоже были въ потерянныхъ, но вышли на вѣрную дорогу и живутъ радостно и счастливо и относятся другъ къ другу благожелательно.

Несомнѣнно, все это должно было чрезвычайно сильно дѣйствовать на душу человѣка отчаявшагося и дѣйствительно могло его переродить.

И вотъ среди трезвенниковъ, т.-е. среди тѣхъ людей, которые подъ вліяніемъ трезвеннической проповѣди измѣнили весь строй своей жизни, мы видимъ цѣлый kaleidoscope чрезвычайно характерныхъ и разнообразныхъ типовъ.

Мы видимъ здѣсь прежде всего цѣлую категорію бывшихъ пьяницъ, которые раньше губили свою жизнь въ буйствѣ и разгулѣ, а теперь являются зажиточными торговцами и ремесленниками.

Мы видимъ здѣсь бывшихъ проститутокъ, практиковавшихъ на Смоленскомъ рынкѣ, а нынѣ ведущихъ чистую и благообразную жизнь.

Мы видимъ здѣсь сиротокъ Воспитательнаго дома, которыя убоялись ужасовъ фабричной обстановки и нашли себѣ пріютъ въ чистой семейной жизни трезвенниковъ.

Мы видимъ здѣсь женщинъ, которыя раньше убѣгали отъ своихъ мужей, отъ ихъ буйствъ и поноевъ и которыя теперь наслаждаются всей полнотою семейнаго счастья.

Мы видимъ здѣсь и крестьянъ, которые раньше были пьянцами, бобылями, а теперь являются собой примѣры хорошей жизни и за это взбираются своими относельчанами на выборныя должности.

Мы видимъ здѣсь и бывшихъ преступниковъ, которые съ раннихъ лѣтъ безвыходно околичивались по тюрьмамъ и арестнымъ домамъ, а теперь уже въ теченіе многихъ лѣтъ ведутъ честную трудовую жизнь и пользуются полнымъ довѣріемъ со стороны окружающихъ.

Наконецъ, мы видимъ здѣсь и такихъ людей, которые едва не сдѣ-

лались жертвами современной эпидеміи самоубійствъ, которые доходя до такого страшнаго отчаянія, что даже посягали на свою жизнь, а теперь успокоились и судьбою своею довольны.

И отъ всѣхъ этихъ людей мы слышимъ, что въ своей новой жизни они нашли и отраду, и успокоеніе, и всю полноту человѣческаго счастья и человѣческой радости.

И такое же настроеніе наблюдали мы и на собраніяхъ трезвенниковъ. Тамъ, на этихъ бесѣдахъ и собраніяхъ, не было людей хмурыхъ, надѣвшихъ другъ другу и озлобленныхъ. Тамъ были люди веселые, радостные, расположенные другъ къ другу. Тамъ царилъ настроеніе праздничное.

И мы знаемъ, что такое праздничное настроеніе бываетъ у человѣка, перенесшаго тяжелую болѣзнь. Это бодрое настроеніе организма, побороваго смерть. Это праздничное настроеніе выздоравливающаго, когда возвращается онъ къ жизни широкимъ, благорасположеннымъ и радостнымъ, когда всѣ краски жизни представляются ему болѣе яркими и свѣтлыми, какъ въ сказкѣ.

И вотъ на собраніяхъ трезвенниковъ мы и видели передъ собой такихъ людей,—людей, выздоравливающихъ отъ тяжелыхъ физическихъ и нравственныхъ недуговъ, и въ этомъ—объясненіе ихъ праздничнаго, жизнерадостнаго настроенія.

Въ заключеніе я хотѣлъ бы обратить вниманіе еще на одну черту дѣятельности московскихъ братьевъ, весьма существенную для уясненія дѣйствительнаго характера трезвенническаго движенія.

Въ литературѣ, направленной противъ трезвенниковъ, это движеніе нерѣдко называется антигосударственнымъ, сѣющимъ вражду.

Это—глубокая ошибка, глубокое заблужденіе.

Правда, проповѣдь московскихъ братьевъ-трезвенниковъ была обращена къ той средѣ, которая кроетъ въ себѣ постоянную опасность озлобленія. Тамъ, на днѣ городской жизни, встрѣчаются люди, отчаявшіеся и озлобленные, не находящіе себѣ выхода. И нерѣдко въ эту среду идутъ люди съ лозунгами вражды и борьбы.

Но Иванъ Колосковъ никогда не шель въ эту среду съ лозунгами вражды и ненависти. Онъ никогда не будилъ въ людяхъ злобы противъ другихъ людей. Онъ шель къ нимъ съ призывами къ душевному самоусовершенствованію, братскому общенію и благообразной жизни. Онъ звалъ ихъ не къ борьбѣ соціальной, а къ той душевной реформѣ, которая заповѣдана христіанской нравственностью.

Изъ опубликованныхъ бесѣдъ Колоскова мы знаемъ, съ какими рѣчами въ простой и доступной формѣ обращался онъ къ этому озлобленному люду.

Вотъ что приблизительно говорилъ онъ ему:

Ты падшій и погибшій. Ты загубленъ пьянствомъ и пороками. Ты теряешь обликъ человѣческой. Ты валяешься подъ заборомъ, вызываешь въ людяхъ омерзѣніе. Тебя бьютъ, тебя тащатъ въ участокъ. И люди тебя сторонятся; они боятся тебя и не хотятъ имѣть съ тобою общеніе. И ты на нихъ злобишься и ихъ ненавидишь. Ты хочешь имъ мстять. Ты ихъ обвиняешь въ твоихъ злочленіяхъ,—и голодъ, и безпріютности, и болѣзни. Но оглянись на себя. Не самъ ли ты причина твоего несчастія? Вѣдь ты человѣкъ. Ты созданъ по образу и подобію Божию. И въ тебѣ горитъ искра Божія. Заглушена она твоими пороками. Окутана смрадомъ пьянства и разврата. Раздуй въ себѣ эту искру Божию. Отрекись отъ пороковъ. Навсегда отреннись отъ пьянства. Стань на тотъ путь, который зановѣданъ христіанской нравственностью. И ты увидишь, что все измѣнится. И перестанешь ты злобиться на людей. И почувствуешь неизсякаемую радость любви христіанской. И начнется для тебя новая жизнь. И вотъ тебѣ живые примѣры...

И такая рѣчь доходила до сердца слушателей, и среди трезвенниковъ мы видимъ множество людей, которые произвели надъ собою опытъ самоусовершенствованія и живутъ теперь въ мирѣ, тишинѣ и спокойствіи.

И эти тысячи примѣровъ людского перерожденія, въ которыхъ каждый изъ насъ можетъ воочию убѣдиться, они могутъ укрѣпить въ насъ вѣру въ силу души русскаго человѣка, вѣру въ возможность оздоровленія тѣхъ слоевъ русскаго народа, которые нѣкоторыми нашими изслѣдователями уже обречены на полное вырожденіе, какъ загубленные пьянствомъ, болѣзнями и пороками.

Такова дѣятельность московскихъ братцевъ-трезвенниковъ и таковы ея результаты.

Но, какъ извѣстно, совѣтъ явную характеристику этой дѣятельности встрѣчаемъ мы въ той спеціальной литературѣ, которая направлена противъ трезвенническаго движенія. Я не буду здѣсь касаться этой литературы, не буду ее разбирать. Я увѣренъ въ томъ, что живая правда восторжествуетъ въ трезвенническомъ дѣлѣ, и тогда въ лучахъ этого солнца правды сами собою разсѣются тѣ темные навѣты, которые искусственно созданы вокругъ трезвенническаго движенія.

Н. М. Ждановъ.